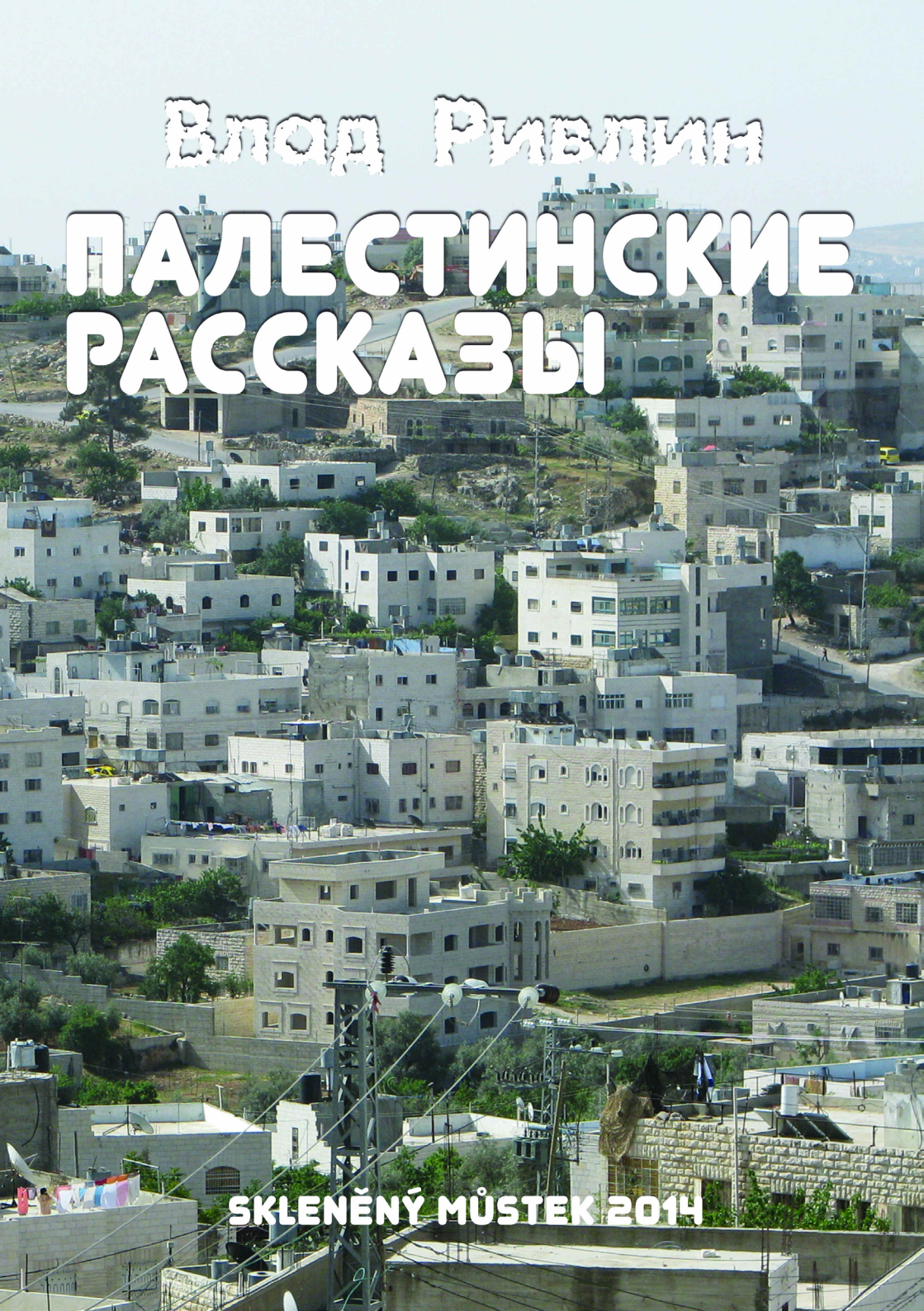

An aerial photograph of a densely populated, hilly town, likely in the West Bank. The town is characterized by numerous white, multi-story buildings with flat roofs, built into the slopes of hills. The architecture is modern but simple, with many windows and balconies. The terrain is rugged, with some greenery and trees interspersed among the buildings. In the foreground, there are some utility poles and wires, suggesting a more developed area or a construction site. The overall scene depicts a typical urban landscape in a conflict-affected region.

Влад Ривлин

ПАЛЕСТИНСКИЕ РАССКАЗЫ

SKLENĚNÝ MŮSTEK 2014

ВЛАД РИВЛИН

**Палестинские
рассказы**

«...Это жесткая документальная проза, следующая в кильватере «Желтого времени» Давида Гроссмана и других документальных израильских рассказов об оккупации. Она будет интересна русскому читателю, который мало сталкивался с израильской разоблачительной прозой и зачастую черпает свои представления об израильском прошлом и настоящем из израильского же официоза».

Израэль Шамир

При написании повестей и новелл, вошедших в эту книгу, мною двигало прежде всего стремление разрушить негативные стереотипы и сблизить два враждующих братских народа. Для меня важно было показать, что израильтяне – это не только оккупанты, а палестинцы – не только террористы. И те, и другие - прежде всего люди, которые по-разному проявляют себя в различных ситуациях, но одинаково радуются или печалятся.

Я попытался глазами своих героев увидеть бесконечное противостояние не как войну между евреями и арабами, а как противостояние между людьми, которые говорят на разных языках, исповедуют разные религии, но независимо от всего этого им свойственны благородство и низость, мужество и малодушие, ненависть и естественное стремление творить добро. Взгляды на жизнь главного героя отражают мнение очень и очень многих израильских солдат и офицеров.

С другой стороны, моей задачей было показать читателю, что террористами не рождаются – ими становятся от несправедливости и отчаяния. Поэтому палестинские арабы в моей книге – это вовсе не сплошь террористы-смертники, мечтающие убить как можно больше евреев. Они такие же люди, как и все, со своими радостями и проблемами.

Для осуществления своего замысла я использовал как средство не только художественную, но и документальную прозу. Различные стили повествования соответствуют разным сюжетам и ситуациям, подчёркивают наиболее значимые детали, дополняют друг друга.

Ну а насколько мне удался этот замысел, пусть читатели судят сами.

Автор

Содержание

ДНЕВНИК КАПИТАНА ШВАРЦМАНА

Предисловие

Дед

Старуха

Снайпер

Блокпост

Детский сад

Помпеи

Чётки

Блокпост-2

Сбор урожая

Палестинские гавроши

Мальчик

Наблюдательный пункт

Вечность

Мирьям

Сумасшедший Ёси

Спор

Новый год

Репортаж

На другой планете

Ферма

Взрыв

Незванный гость

ДАУД И МЕФИСТОФЕЛЬ

Часть Первая: Дауд

Часть Вторая: Дауд и Мухаммад

Часть Третья: Дауд и Мефистофель

Часть Четвертая: Крах Мефистофеля

Воспоминания о прошлогодних обстрелах

Шахматная партия

Праздник города

Ночной звонок за океан

Фрагменты: год 1991

ДНЕВНИК КАПИТАНА ШВАРЦМАНА

Повесть

Предисловие

Наши с Омри Шварцманом жизненные пути пересекались несколько раз. Впервые я познакомился с ним, когда мы вместе учились в университете. Омри был жизнерадостным, очень энергичным молодым человеком. После окончания школы он, отслужив положенные три года, продолжил службу уже в офицерском звании, быстро поднимаясь по карьерной лестнице.

Ему довелось стать участником наиболее драматических и кровавых событий, произошедших здесь на рубеже веков и ставших ещё одним звеном бесконечной цепи противостояния. Несмотря на заманчивые перспективы армейской карьеры, открывавшиеся перед ним, Омри вдруг уволился из армии и, вернувшись к гражданской жизни, отправился в Юго-Восточную Азию, побывал в Индии, Индокитае, Австралии, затем вернулся обратно в Израиль и поступил в университет. После нескольких лет поисков себя он, наконец, определился с выбором и начал серьёзно изучать экономику...

С отличием закончив обучение на первую степень, он принялся за написание дипломной работы на степень магистра и получил должность помощника преподавателя. Дипломная работа была почти завершена, и он уже строил планы о поступлении в докторат, но все его планы и последующая карьера были прерваны гибелью во время ежегодных военных сборов, на которые он отправлялся регулярно. Противотанковая ракета угодила в бронетранспортёр, в котором находились Омри и его солдаты. Тяжёлые бронежилеты, в которые солдаты были одеты по приказу командования, дабы избежать потерь, лишили их даже призрачного шанса на спасение. Вырваться из горящего металла в таком обмундировании было практически невозможно. Погибших солдат опознали с помощью жетонов.

Оказалось, что, несмотря на его жизнерадостность, у Омри было совсем немного друзей. Его девушка, с которой они прожили вместе почти семь лет, передала мне жёсткий диск, хранившийся на компьютере Омри. Почему именно мне? Не знаю, может быть, потому что знала о моём пристрастии к литературе и хотела, чтобы память о её возлюбленном не исчезла вместе с ним. А может, потому что мы часто с ним беседовали и не меньше молчали.

Что-то родственное было у нас с ним. На диске оказался дневник, где Омри подробно описывал свои армейские впечатления. Не знаю, собирался ли он когда-нибудь опубликовать записанное. Сейчас, просматривая его записи, я вспоминал наши с ним разговоры. Он всё никак не женился, хотя все друзья уже давно имели семьи. Как-то раз, когда разговор зашёл о семье, Омри просто сказал: «Я не хочу оставить её одну с ребенком. Ведь я каждый год по месяцу, а то и больше нахожусь в самом пекле, где каждую минуту рискую получить пулю от снайпера».

Видимо, он что-то предчувствовал, хотя едва ли предполагал, что его жизнь сложится именно так. К смерти он относился спокойно, казалось, он вообще ничего не боится. Что заставляло его каждый раз рисковать собственной жизнью? Почему он делал то, что было ему не по душе?.. Он ненавидел эту войну, считал её несправедливой и, тем не менее, каждый раз послушно отправлялся в зону боевых действий. Пытаясь это понять, я снова и снова читал его дневник, но выводы решил не делать. Поэтому все записи сохранил в том виде, в каком оставил их мой покойный друг. Пусть читатель, которого заинтересует судьба этого человека и та жизнь, которой мы живём здесь, сам сделает для себя выводы.

Дед

Старик сломался. Он явно был не готов к этому удару. Всегда сильный, уверенный в себе, с гордой, неподвластной возрасту осанкой, бодрый и весёлый, он вдруг разом сник, превратившись в сгорбленного немощного старика. От прежней уверенности не осталось следа, и теперь его лицо выражало лишь растерянность.

Оно стало каким-то неживым, взгляд потух. Я смотрел на него и не узнавал. Прежний властный дед исчез, и его место занял жалкий, беспомощный старик.

Когда-то он учил меня:

— Никогда и никого не бойся. Пусть боятся тебя. Он внушал это всю жизнь сначала себе, потом моему отцу, а затем и мне. Дед ненавидел страх и в себе, и в других. А может быть, он боялся собственного страха и потому так жестоко давил его проявления и в себе, и в близких? Чувство страха жило в нём с тех пор, когда немецкие солдаты, согнав их, человек двести евреев из небольшого польского местечка, заставили их бежать в сторону советской границы.

— Бегите! — кричали молодые парни в мышиной униформе, толкая прикладами. Один из солдат ударил его тогда прикладом по ноге. Несмотря на сильную боль, он бежал вместе с другими мужчинами к заветной границе. Немцы стреляли им в спину, и между лопатками у него жгло от ощущения, что каждую секунду пуля ударит в спину. Он бежал изо всех сил, как загнанный зверь, не видя перед собой ничего, кроме заветной полоски земли на той стороне, стремясь добежать к ней первым. До заветной черты их добежало человек семьдесят, счастливых, кому повезло выжить. Отцу не повезло, и он навсегда остался на той стороне. Они с братом выжили тогда, но тот животный страх остался на всю жизнь. Может быть, поэтому он приходил в ярость при виде страха в глазах самых близких. Он яростно вытапывал страх и выжигал его как бурьян. Но страх прорастал заново. Это была бесконечная война: он затапывал страх, но тот прорастал снова, и он вытапывал его снова с ещё большим остервенением. Однажды федаины ворвались ночью в поселение, где жил тогда дед со своей семьёй. Раньше здесь была большая палестинская деревня. Потом арабов выгнали и на месте деревни возник кибуц. Здесь и жил дед, после того как женился. В тех домах, которые захватили тогда федаины, они убили всех, от мала до велика. Похоже, план отступления у них отсутствовал вовсе. Они пришли убивать и старались убить как можно больше, совершенно не заботясь при этом о собствен-

ной жизни. Убив всех, кто находился в захваченных ими домах, фedaины затем вступили в отчаянную схватку с охраной поселения и прибывшими им на помощь солдатами с ближайшей базы. Они пришли, чтобы убить и умереть самим. Плана отступления у них не было. Когда бой наконец закончился и все фedaины были убиты, то весь посёлок казался залитым кровью. После этого случая бабушка умоляла деда переехать в другое, более безопасное место. Она плакала и ползала перед ним на коленях, и тогда он впервые в жизни влил ей слезу.

— Мы останемся здесь! — заорал он. — И я как мужчина смогу защитить свою семью!

Спустя какое-то время дед, никогда не снимавший военную форму и не расстававшийся с личным оружием, уехал вместе с другими жителями посёлка в такой же военной форме, как и у него, на военную базу. А спустя трое суток окна домов в поселении задрожали от взрывов. Снаряды и бомбы рвались в километре от поселения, по ту сторону границы. От взрывов дрожали стёкла в домах посёлка. Наутро по радио передали, что части нашей армии атаковали лагерь фedaинов на другой стороне границы. Атака была успешной: база фedaинов была уничтожена, а сами они все до единого были убиты. Пленных не оказалось. Потом, правда, ходили слухи, что на самом деле наши солдаты атаковали лагерь беженцев и убили всех, кто там был, отомстив таким образом за гибель жителей поселка. Моя тётка, которой было тогда семь лет, рассказывала мне, что слышала крики с той стороны. Впрочем, может быть, ей это только казалось.

Вернувшись, дед сказал бабушке: «Они больше никогда не вернутся», и крепко обнял её. Он был уверен, что страх больше никогда не войдёт в его дом. Но он ошибся. Страх затаился в душах детей. Отец рассказывал мне, что после того случая главным его детским ощущением был страх. По ночам он боялся заснуть и всё прислушивался к каждому шороху снаружи. До двенадцати лет он боялся оставаться один в комнате, а ночью, если деда не было дома, он в ужасе выпрыгивал из своей постели, и с криком бежал к матери, которая успокаивала его как могла.

Страх стал главным содержанием его жизни. Он боялся за родителей, за близких, друзей, за себя... Его ладошки были всегда холодными, даже в сорокоградусную жару, а зрачки огромными как у кошки. В школе он учился плохо, не в силах ни на чём сосредоточиться. И страх, страх, страх... Вечный страх, от которого болело горло, будто кто-то держал его мёртвой хваткой, и ещё недержание мочи по ночам и жгучий стыд за свою неспособность справиться даже с собственной мочой... Дед был сильным и выглядел очень внушительно, но отцу всё равно было страшно. И однажды дед с перекошенным от ярости лицом схватил его за шиворот и с силой развернул к себе.

— Смотри мне в глаза! — орал дед. — Если тебе страшно, спрячься у матери под юбкой, или надень женское платье и... больше не попадайся мне на глаза! — в ярости орал он.

Мать беспомощно, как птица, вертелась вокруг них. Из глаз отца катились слёзы, и от этого дед пришёл в ещё большую ярость.

— Перестань реветь! — прикрикнул он на сына.

Но сын лишь ещё сильнее заплакал. Тогда дед взял его на руки и сказал то же, что говорил до этого матери: «Не бойся. Они больше никогда не придут». Он сказал это так уверенно, что сын поверил ему.

Рядом с дедом было не страшно, и тогда мой отец решил стать таким же сильным, как и дед.

Федаины действительно больше не приходили. Но спустя несколько лет на посёлок обрушились тысячи снарядов с той стороны границы. По нескольку дней подряд дети вместе со своими матерями сидели в бомбоубежищах. Один из снарядов, пробив крышу их дома, взорвался в детской комнате. Но к тому времени отец был уже другим. Страх ушел навсегда. Его место заняла ярость.

— Если тебя ударили, ударь в ответ так, чтобы твой противник больше никогда не мог тебя ударить.

Так учил его дед, и так жили они оба — и отец, и сын.

Отец пошёл по стопам деда и, будучи подростком, без устали качал мышцы. К пятнадцати годам мой отец с любого расстояния

бил в цель без промаха. После школы он служил в боевых частях, а потом стал офицером, как и дед. В 1973 ему довелось заживо гореть в танке. Отца спасли, но его лицо и руки навсегда остались изуродованы огнём.

Он призвался в тот же год, когда его отец, мой дед, закончил службу.

— Ты должен быть сильным и никого не бояться. Пускай боятся тебя, — часто говорили мне и дед и отец. И всю свою сознательную жизнь я стремился быть сильным. И если бы я действительно не был сильным, то никогда бы не посмел даже приблизиться к нашей школе. Каждый из нас хотел быть сильнее других, и самым страшным пороком у нас считалась слабость. За каждую обиду мы жестоко мстили, потому что не ответить означало проявить слабость. И если ты не ответишь одному, то завтра все вместе растопчут тебя и превратят в тряпку для ног.

Наверное, родители моих школьных товарищей воспитывали своих детей точно так же, как меня мой дед и отец, и поэтому точно так же, как и я, они не хотели никому уступать.

Дед всегда старался жить по придуманным им же принципам.

— О сделанном не жалеи! — учил он нас.

Он так и жил, никогда не сомневался в том, что делал, и никогда не жалея о сделанном.

Дед всегда был абсолютно уверен в собственной силе и основанной на ней правоте. Весь мир для него делился на своих и чужих, на друзей и врагов. Всю жизнь ему казалось, что он абсолютно точно знает, где свои, а где чужие, кто друг, а кто враг.

— «Они» никогда не будут сильнее нас, — часто говаривал дед с высокомерной усмешкой. — «Они» всегда будут лишь усиливаться, но сильными не станут никогда.

Он не допускал даже мысли о том, что когда-нибудь может быть иначе. Он чувствовал своё превосходство над ними абсолютно во всём. Он был умнее, а главное — за ним была сила. Поэтому он смотрел на «них», как белый колонизатор на убогих туземцев. Впрочем, и на большинство окружавших его людей дед тоже

смотрел свысока, как на насекомых. Именно так он смотрел на своих рабочих-филиппинцев и эмигрантов из России, особенно на работавших у него женщин, которых он величал не иначе как «брит амоцеот»¹, «марокканцами», которые, по его мнению, разрушили страну и знают только «мне положено».

Я никогда не мог понять, кого он ненавидел и презирал больше — своих или чужих. Но дед был убеждён, что все вокруг него живут только благодаря ему и его труду. Ему казалось, что работает только он, а все остальные лишь пользуются его трудом. Окружавших его людей он большей частью воспринимал как бездарей и бездельников. Круг тех, кого он воспринимал как равных себе, был чрезвычайно узок. Эти избранные были очень похожи на деда и происхождением, и судьбой, и общественным положением. В основном это были такие же старики, как и дед, родившиеся в польских местечках и приехавшие в Палестину вместе с дедом, возможно, чуть раньше или чуть позже. В основном это были отставники, так же, как и дед, прослужившие большую часть жизни в армии, и теперь определявшие порядок жизни и лицо этой страны.

Дед был, пожалуй, единственным из них, кто не скрывал правду о войнах, активным участником которых он был. Он никогда не боялся называть вещи своими именами.

Как-то одна из газет, не то британская, не то французская, сравнила подразделение, которым он командовал в Газе, с эсэсовцами. Это сравнение вызвало гневную реакцию не только у соратников деда — возмущалась вся страна. Но сам дед только бросил с презрительной усмешкой:

— Пусть называют нас как хотят. На войне — как на войне, и все ведут войну одними и теми же средствами: и англичане, и французы, и немцы... Все! Война — это всегда кровь и грязь, где бы она ни велась. Других методов ведения войны человечество не придумало. Или ты, или тебя. Вопрос — во имя чего эта война. Я всегда знал за что воюю. Здесь мой дом, моя страна. Других у меня нет да и не надо мне. И... не им нас судить!

1 Игра слов от «Брит Хамоацот» - Советский Союз и «брит хамоцеот» - союз шлюх»

Он всегда гордился своей решительностью.

— Рука у наших людей была твёрдая, — говаривал дед, — правда, если нам встречались женщина или ребёнок, их мы отпускали. Но если это был мужчина, мы его убивали.

Мне казалось, что говорит он об этом любуясь собой.

У него никогда не было сомнений в своей правоте, когда он рассказывал об изгнании арабов из Лида и Беер-Шевы.

Однажды он вспоминал, как солдаты стреляли поверх голов согнанных на площадь арабов, загоняя их, как овец, в машины. Арабы — в основном женщины с детьми и старики — безропотно грузились на машины, которые увозили их затем в сторону иорданской границы, или Газы, в зависимости от того, что было ближе. Для него всё это было неизбежным, необходимым, во имя новой страны — его страны.

Я никогда не мог понять, почему у него, чудом спасшегося от нацистов в 1939, совершенно отсутствовало чувство сострадания.

Да, ему многое довелось пережить в жизни. В 1942 году он и его брат записались в корпус Андерса, но по дороге на фронт в Африку, сбежали, воспользовавшись остановкой в Иране. Отсюда они весной 1943 добрались до Палестины и примкнули к одной из подпольных еврейских группировок. Начав с рядового подпольной боевой организации сионистов, он закончил свою карьеру в должности командира пехотной бригады.

В первую арабо-израильскую войну дед командовал ротой, потом батальоном. В Шестидневную войну дед командовал полком и прославился тем, что его солдаты переправились через Синай на берег Африки. Фото израильских солдат, купающихся у египетского берега, обошло все газеты мира. Так дед стал героем. Свою военную карьеру он закончил после войны Судного Дня.

Уволившись из армии, он поселился в одном из еврейских поселений Газы и стал фермером. Продукция из его теплиц продавалась в Америке и Европе. Но деду было этого мало. Вместе со своим бывшим комбатом он затеял строительство шикарной гостиницы на берегу моря. В бизнесе он оказался не менее удачливым, чем в военной карьере. Одна из центральных газет даже поместила о нём статью в своём недельном приложении, назвав

деда «солью земли». Им гордились, да он и сам собою гордился.

Установленный им порядок казался ему вечным. Поэтому, когда арабы стали швырять камни в израильских поселенцев, он презрительно назвал их «клопами, которые заползли за воротник».

Он жил ещё тем временем, когда при виде израильского солдата арабы в Газе и на Западном Берегу спешили спрятаться где только возможно. Но они были уже другими. Из забитой и послушной массы людей, покорно работавшей на деда и ему подобных, они превратились в разъярённую, ненавидящую нас толпу.

Вскоре в нас полетели не только камни, но и бутылки с зажигательной смесью. Но дед всё равно был уверен, что «если их как следует проучить, то они навсегда успокоятся».

— Ударь араба по одной щеке и он поцелует тебе руку. Ударь по другой, и он будет целовать тебе ботинки, — дед любил повторять это расхожее среди офицеров его времени выражение. Но в жизни всё было с точностью до наоборот.

В ответ на резиновые пули и слезоточивый газ они стали кидать в нас бутылки с «коктейлем Молотова». Вскоре у них появилось огнестрельное оружие, и у нашей армии появились первые потери. Рейды нашей армии в арабские деревни и города приносили лишь временное затишье. А затем всё взрывалось с ещё большей силой.

И вот однажды двое рабочих-арабов напали на деда в его теплице. Это были молодые крепкие парни, вооружённые тесаками. Дед справился с обоими, несмотря на свой возраст, раздробив челюсть одному из нападавших и переломав ребра другому.

— Вам никогда не справиться со мною, — кричал он им вслед, когда солдаты увозили их.

Он продолжал верить, что их можно заставить жить как прежде, с помощью силы. Он не учёл лишь одного — им нечего было терять, и в этом была их сила. Он верил, что всегда будет сильнее, пока во время взрыва в самом центре Тель-Авива не погибла его любимая внучка Лиора.

Именно дед называл её так — Лиора, «Мой Свет». И она действительно была для него светом. Из всех его внуков Лиора была

единственной, кого он баловал и готов был проводить с ней всё своё свободное время.

— Я не люблю сюсюканий! — резко говорил он внукам, если кто-то из нас ластился к деду. Он говорил это всем, кроме Лиоры. Казалось, он любил её больше всех на свете.

Когда это случилось, мы не сразу поняли что произошло. По телевизору в то время каждый день показывали кадры с результатами взрывов, но все старались жить обычной жизнью и делать вид, что ничего не происходит. Так и в тот вечер мы сначала не обратили внимания на кадры с места взрыва в самом центре Тель-Авива. Мы к тому времени уже привыкли, что у нас постоянно что-то взрывается.

Потом вдруг бабушка спохватилась, что как раз сегодня Лиора собиралась с подругами в Тель-Авив «делать шопинг». Мы стали ей звонить, но её телефон не отвечал. Не отвечал и телефон её подруги, с которой она ушла. Тогда мы всерьёз забеспокоились.

Дед помчался в одну больницу, куда доставляли раненых, отец — в другую. Среди раненых Лиоры не было.

— Ну что ж, — сказал дед, — если её не обнаружим среди раненых, будем искать в морге.

Он старался казаться спокойным, но его лицо при этом было бледным, как мел. О её гибели нам сообщили глубокой ночью. Мы опознали её по украшениям.

После смерти Лиоры дед совершенно отошёл от дел и теперь подолгу сидел в своём кабинете не включая свет. Никто из нас не решался его тревожить.

— Они всё-таки достали меня, — произнёс он одну единственную фразу.

Он ко всему потерял интерес, продал свои теплицы, гостиницу и переехал жить в Тель-Авив, купив шикарную квартиру у самого моря в престижном комплексе.

Когда мы ушли из Газы, разъярённая толпа арабов, ворвавшись в его теплицы, с каким-то остервенением уничтожала всё, что только было возможно. Спустя всего лишь месяц после этого едва ли кто-то мог подумать, что когда-то здесь были теплицы.

Во время одного из рейдов в Газу наши летчики превратили гостиницу деда в груды развалин. Однако самого деда это известие оставило совершенно равнодушным. С тех пор, как не стало Лиоры, он мало интересовался тем, что происходит вокруг.

Старуха

Солдаты расположились в просторном доме основательно и чувствовали себя здесь по-хозяйски. Кто-то дремал, развалившись в кресле, другие курили, пили кофе и напитки из пластиковых бутылок, вроде колы или спрайта. Солдаты расположились на красивых дорогих коврах, подложив под себя удобные, расшитые замысловатыми узорами подушки. Они сидели и лежали на коврах, ни на секунду не расставаясь с оружием. Точно так же они сидели на автобусных станциях в ожидании автобусов, которые отвозили их на место службы. Да и сам дом, благодаря их присутствию, стал во многом похож на одну из грязных, заплёванных израильских автостанций. Повсюду валялись окурки, пластиковые бутылки, обрывки газет на иврите и арабском, объедки и упаковки из-под еды. Никто не собирался убирать за собой. Здесь всё было можно. Дверь в туалет держалась на одной петле, умывальник разбит. Рядом с туалетом лежала скомканная занавеска с засохшими на ней экскрементами: кто-то из солдат, не найдя в доме туалетной бумаги, сорвал с окна занавеску и воспользовался ею. В большой комнате, служившей гостиной, в самом центре огромного стола, какие встречаются только в больших семьях, сидела хозяйка дома – величественная девяностолетняя старуха. Напротив хозяйки, развалившись на стульях или облокотившись на стол, сидели солдаты. Все сидели молча – и хозяйка, и её непрошенные гости. Старуха сидела здесь, не шелохнувшись с того самого момента, как мы появились в её доме. За всё это время ни один мускул не дрогнул на её старом морщинистом лице. Всё лицо было будто изрублено глубокими морщинами. И ходила она с трудом, согнувшись пополам – мы видели её, когда она запирала ворота своего дома, увидев приближающихся солдат. Но когда

она сидела прямо напротив нас, её спина была ровной, будто внутри у неё был стальной прут. При взгляде на её лицо, казавшееся вырубленным из той же породы камня, из которой был построен этот дом, необычайно суровое и полное достоинства, появлялось ощущение, что перед нами вовсе не престарелая женщина, а сам дух этой древней и многострадальной земли. Её покрытая платком голова была гордо вскинута вверх, а почерневшие от тяжёлой работы руки, со вздувшимися на них венами, спокойно лежали на коленях. Выцветшие, когда-то светло-серые глаза этой женщины, в которых жила простая житейская мудрость, смотрели на нас как-то по-особому. Нет, это был не укор. В её глазах был приговор, вынесенный неумолимым судьёй, и этот приговор был вынесен нам и этой войне. Она смотрела на нас и на происходящее вокруг с каким-то особым спокойствием, как будто сама была бессмертна, а наша участь уже предрешена и хорошо известна ей. Всем своим видом она давала понять, что мы здесь всего лишь непрощенные гости, которым рано или поздно придётся отсюда убраться. Мы оказались в её доме во время очередного рейда. Такие рейды наше командование устраивало часто. Формальным поводом для рейда послужила информация спецслужб о том, что в деревне, где находился дом старухи, скрываются разыскиваемые террористы. Возможно, террористы, члены одной из местных группировок или более крупных палестинских организаций, которые вели против нас партизанскую войну, действительно появились в деревне. Но, скорее всего, цель рейда была иной. Местные жители никак не хотели смириться с потерей принадлежавших им земель после того, как лет десять назад армейское командование, под управлением которого находилась и эта деревня, отняло у местных крестьян часть земель, как было заявлено, «временно, под нужды армии». На отнятых у крестьян землях была построена военная база, а затем началось строительство еврейского поселения. Сейчас это еврейское поселение было уже довольно крупным, по здешним меркам, городом, где жили только евреи. Однако жители деревни не хотели примириться с новыми реалиями и отчаянно боролись за свои земли. Их не останавливали ни слезоточивый газ, ни резиновые пули, ни даже «живой» огонь. Раз за разом мест-

ные парни пытались прорваться через высокий забор из стальной проволоки на военную базу, кидали камни в солдат и бутылки с горючей смесью в армейские джипы. В ответ солдаты, приходя в деревню, взрывали двери домов, переворачивали мебель внутри, арестовывали участников выступлений и «подозрительных». Но уже через неделю, а иногда и на следующий день, в солдат снова летели камни. Так что все эти меры давали лишь краткосрочный результат. Главной же своей цели – вытеснить их отсюда – мы не достигнем никогда. Весь наш опыт говорил о том, что нынешняя акция, как и все предыдущие, призвана дать нам лишь передышку, как можно более длительную по времени. Заставить их уйти отсюда нам не удастся никогда. И об этом всем своим видом говорила старуха. Как она в одиночку содержала этот огромный дом, где её семья, о чём она думала – ничего нельзя было прочесть на её лице. Лишь суровый немой укор и следы трудно прожитой большой жизни читались на нём.

– Эй, старуха, приготовь нам кофе! – крикнул ей один из развалившихся напротив неё солдат. – Плохо ты нас принимаешь.

Остальные солдаты, сидевшие напротив старухи, отпускали в её адрес злобные шутки и кидали в неё скомканные обёртки от мастиков и прочей снеди. Один солдат швырнул в неё смятую пачку из-под сигарет. Но она сидела всё так же неподвижно, величественная, с гордой осанкой и будто окаменевшим лицом, ни разу даже не моргнув, как скала, о которую разбиваются волны. И рядом с этой безоружной женщиной солдаты, вооружённые автоматами, казались жалкими уличными комедиантами.

Когда я вошёл в дом и увидел эту сцену, всё внутри у меня перевернулось. Я тут же отдал сержанту приказ построить солдат на улице.

– В чём дело, Омри? – обратился ко мне один из солдат, с которым мы начинали службу почти одновременно. – Она же арабка!

– Выполняй приказ! – бросил я ему, выходя из дома. Уже в дверях я услышал, как кто-то из солдат передёрнул затвор – может быть, для того, чтобы просто проверить ствол, а может, для того, чтобы выразить мне своё негодование. Ещё несколько солдат

сделали то же самое. Я не стал оборачиваться. Лишь краем глаза заметил, что старуха всё так же сидит во главе огромного стола своего дома. Будто скала.

Снайпер

Пуля обожгла мне щёку чуть ниже виска. Как будто сама смерть коснулась меня своим лёгким поцелуем. Жизнь мне спас сержант, окликнувший меня в тот самый момент, когда снайпер, чуть задержав дыхание, плавно спустил курок. Мы ждали, что он выстрелит ещё раз, и тогда нам удастся засечь его и уничтожить. Но тот выстрел оказался единственным в то раннее утро. К полудню уже никто не вспоминал об утреннем инциденте, и как раз в это время снайпер снова напомнил о себе. На этот раз пуля ранила командира нашего батальона. С пулей в плече он был доставлен на вертолёте в больницу. Командир базы был в ярости:

– Этот выстрел дорого им обойдётся, – прошипел он, едва сдерживая клокотавшую в нём ярость. Он вглядывался в арабский квартал прямо напротив базы. От арабского квартала нас отделяла огромная пропасть между двумя холмами – нашим и их.

На одном холме, бывшем когда-то частью арабской деревни, стояла наша база, на противоположном – жилой квартал лагеря беженцев Шейх Юсеф. Жизнь лагеря мы могли наблюдать постоянно даже без бинокля. Он выглядел жалко даже по сравнению с нашими кварталами бедноты. Глубокая пропасть, над которой возвышался лагерь беженцев, была доверху завалена всяким хламом – пластиковыми пакетами, строительным мусором и ещё бог знает чем...

Трёх-четырёхэтажные панельные дома в любую погоду смотрели угрюмо, обшарпанная штукатурка едва прикрывала серый бетон. Вблизи дома казались ещё более унылыми, как человек, который никому не нужен. Снайпер стрелял именно из этих домов, правда, пока мы не знали, откуда именно. С нашего наблюдательного пункта любой солдат мог видеть жизнь лагеря беженцев во всех её деталях. В одном из домов прямо напротив базы жил

таксист. Когда он возвращался домой, он всегда оставлял машину возле дома. Каждый день он уезжал затемно и так же затемно возвращался. Несколько раз я видел его с женой и детьми. Сколько у него было детей – я точно не знал. Может быть, восемь, может быть, десять, а может, и больше. В его отсутствие дети, если они не были в школе, играли возле дома, прямо над огромной пропастью с мусором. В эту пятницу машина почти весь день стояла перед домом, но я не видел на улице ни водителя, ни его детей – был канун большого мусульманского праздника. С минуту подполковник разглядывал лагерь, потом на его лице ящерицей промелькнула улыбка – в голове явно возникла какая-то злая затея.

– Иди сюда! – подозвал он одного из солдат с подствольным гранатомётом. – Ну-ка, ударь вон по той машине, – он указал рукой на такси возле дома. Солдат прицелился и выстрелил. Выстрел был точным, и машина тут же превратилась в груды изуродованного металла. Подполковник остался доволен произведённым эффектом: взрывной волной в близлежащих домах были выбиты стёкла, и ещё минуту, а может, и больше, солдаты вместе со своим командиром заворожено смотрели на бушевавшее возле дома пламя.

– Красивый фейерверк! – усмехнулся офицер. В это время из дома выскочил хозяин такси. Даже отсюда, с расстояния нескольких сотен метров, было видно, что у него трясутся руки. Вдруг этот высокий, грузный мужчина лет сорока пяти упал на колени перед останками своей машины-кормилицы и зарыдал, как ребёнок. Его крик был слышен на базе – крик отчаяния и бессильной ярости.

– За что?! За что?! – кричал он, обращаясь к самому Небу. Дети с перепуганными глазами не решались приблизиться к нему. Молодёжь из числа соседей с ненавистью смотрела в нашу сторону. Они были сравнительно далеко от нас, но мне казалось, что даже на расстоянии их жгучая ненависть способна обжечь.

– Будет им наука, – злорадствовал командир. – Ещё один выстрел – и я снесу все эти халабуды.

Он не шутил. Командир базы был из поселенцев, он прошёл Ли-

ван, командовал батальоном в Газе и, хотя пытался скрывать свою ненависть к арабам, ему плохо это удавалось. Человек глубоко религиозный, он был совершенно неумолим, если арабы просили его пропустить машину скорой помощи с роженицей или больной старухой. Просить его было бесполезно. Его солдат боялись не меньше. При их появлении местные крестьяне спешили скрыться из виду. Район, который находился в ведении подполковника Харари, считался относительно спокойным. Харари с гордостью приписывал эту заслугу себе. Несколько лет назад армейский джип на полном ходу сбил палестинскую девочку. Она скончалась на месте. Тогда улицы палестинских городов заполнились, как бурлящей вулканической лавой, негодующей толпой. Ненависть, копившаяся десятилетиями, вдруг вырвалась из этих угрюмых строений и обрушилась на нас. Подростки забрасывали камнями армейские джипы и машины с поселенцами. Молодёжь постарше, вооружившись ножами, охотилась на полицейских, солдат и поселенцев, как на зверей. Слезоточивый газ и резиновые пули не действовали на них. Так называемый «живой» огонь дал нам лишь короткую передышку, а потом вся эта полная ненависти людская масса обрушилась на нас с ещё большей яростью. У них появились пистолеты и гранаты, а чуть позже они стреляли в нас уже из автоматов. Именно тогда батальон в то время ещё майора Харари вошёл в лагерь беженцев и буквально снёс с лица земли целый квартал, на месте которого и разместилась наша база. Отсюда мы могли контролировать весь этот огромный город. Тогда казалось, что мир вернулся на эти земли, если не навсегда, то надолго. Но мы ошиблись. Пули снайпера в тот день оказались преддверием бури, как первые капли дождя, за которыми придёт разрушительный ураган. Я понял это вечером, когда солнце почти исчезло за горизонтом. Третья пуля снайпера угодила в бронежилет солдата, находившегося в это время на наблюдательной вышке. Если бы не бронежилет, пуля угодила бы ему прямо в сердце.

– Ну что, устроим им дискотеку? – весело спросил капитан Авнери, солдаты которого дежурили в ту ночь на базе. Солдаты были рады возможности развлечься. Отслужившие по два года и

более, они поднимались на вышку, прихватив десяток магазинов, и началась стрельба, которая не стихала до самого утра. Стреляли по зелёным огням мечетей и вообще по всему, что светилось... К утру они спустились с пустыми магазинами, усталые, но довольные. А спустя час после этого пуля снайпера настигла солдата возле столовой. Пуля угодила ему в шею, но по счастливой случайности он был жив, и возле него засуетился врач. В ответ солдаты открыли яростную стрельбу по бочкам с водой и солнечным бойлерам на крышах домов в лагере. То там, то здесь слышался звон разбитого стекла – пули залетали в окна домов. Улицы лагеря беженцев будто вымерли, и он выглядел как осаждённая крепость. Когда стрельба прекратилась, над холмами и пропастью воцарилась мёртвая тишина. Мы отслеживали любое движение по ту сторону пропасти, но там всё казалось мёртвым.

– После такой взбучки им теперь долго не захочется стрелять, – сказал кто-то из солдат. Но он ошибся. Днём, ровно в полдень, пулей снайпера был тяжело ранен другой солдат, оказавшийся в это время на незащищённом участке. Солдаты снова ответили яростным огнём. Поднявшись на вышку, они высматривали машины в городе и стреляли по ним из подствольных гранатомётов. Поскольку машин было мало, солдаты стали стрелять из гранатомётов по самим домам. Но где-то часов в пять вечера снайпер выстрелил в третий раз. На этот раз пуля ранила в руку одного из офицеров. Всю ночь солдаты, дежурившие на вышке, стреляли по городу. Ориентиром им служили зелёные огни мечети. А утром снайпер снова дал о себе знать, на этот раз сразив наповал солдата, только заступившего на пост. В ответ солдаты снова открыли беспорядочную стрельбу по городу... Так продолжалось несколько дней. Снайпер стрелял будто по расписанию, солдаты отвечали яростным огнём по городу и днём, и ночью. Утро середины недели началось без выстрела снайпера. Не последовало выстрелов ни днём, ни вечером. На следующий день тоже было тихо. Мы обрадовались, что принятые нами меры подействовали. В субботу те, кто находились на дежурстве, уже перемещались по базе без опаски, как в старые добрые времена. А вечером на базу об-

рушился настоящий свинцовый дождь. Под обстрелом оказалась столовая. Как раз в это время там находился офицер, девушка двадцати одного года, в обязанности которой входило повышать образовательный и культурный уровень солдат. Не знаю, как она и ещё двое солдат, дежуривших на кухне, оказались в столовой, но именно они попали под обстрел. Без малого полчаса все трое лежали на полу, закрывая головы руками. В этом положении лейтенант каким-то образом сумела позвонить по мобильному своей начальнице, психологу с солидным стажем работы по профессии. Лейтенант захлёбывалась в истерике, и все попытки опытного психолога вывести её из этого состояния по телефону не увенчались успехом. Огонь прекратился так же внезапно, как и начался, уже после прибытия на помощь осаждённому дополнительного подразделения. Девушку-лейтенанта доставили в госпиталь в состоянии глубокого шока. Что было с ней потом – мне неизвестно.

Как водится в таких случаях, мы начали подготовку к крупной операции. Спустя неделю наша авиация разбомбила дома, из которых по нам вёл огонь снайпер. Поначалу командование планировало операцию вглубь палестинской территории, но потом от этой затеи там, наверху, отказались, и – слава Богу. Наши части входили в их города как нож в масло, но пребывание там стоило нам многих человеческих жизней. Вместо этого армейские бульдозеры снесли ещё целый квартал в городе и на его месте стали прокладывать дорогу, которая связала бы еврейское поселение, со всех сторон окружённое лагерями беженцев и палестинскими деревнями, с еврейской частью Иерусалима. Этот план удалось осуществить, дорога была построена, и теперь в наши функции входила её охрана. Не знаю, как, но иногда они умудрялись минировать её по несколько раз за ночь прямо у нас под носом.

Года два всё у нас было относительно тихо. Пока однажды прямо посреди базы не разорвался снаряд. Это была самодельная ракета, которую палестинцы выпустили по нам из самодельной же ракетной установки. И то, и другое они делали прямо в подвалах своих домов. Мы стали готовиться к новой операции, а тем временем на территории нашей базы разорвалось ещё несколько

ракет. К операции мы готовились уже без полковника Харари. Он получил должность командира бригады и был повышен в звании. Однажды, когда он возвращался со службы в своё поселение, его настиг выстрел снайпера. Пуля попала ему прямо в глаз.

Блокпост

У блокпоста была дурная слава. Несколько лет назад палестинский снайпер уложил здесь десятерых наших солдат. Умирая, никто из них так и не успел открыть ответный огонь. Тот, кто убил наших солдат, был не просто снайпером. Это был виртуоз в своем деле. Прежде чем открыть смертельный огонь, он, будто тигр во время охоты, долго приноравливался, до мельчайших подробностей изучая повадки своих жертв. Среди убитых были как резервисты – мужчины лет под сорок, для которых это был последний раз, когда они надели форму, так и солдаты срочной службы, восемнадцати-девятнадцатилетние ребята, только закончившие курс молодого бойца. Выбрав наиболее подходящий момент для убийства, снайпер открыл прицельный огонь на заре, около четырёх часов утра, когда отдыхающий солдат спит особенно крепко, а бодрствующий особенно сильно чувствует накопившуюся за бессонную ночь усталость. Первыми жертвами снайпера стали трое солдат, находившиеся в охранении.

Расположившись все вместе около бетонного блока, они стали идеальной мишенью для снайпера. Следующими жертвами стали солдаты-резервисты и командир блокпоста. Разбуженные выстрелами, они выскочили из палатки, где спали, и, схватив автоматы, в одних кальсонах бросились на помощь своим товарищам. Но не успели ни добежать, ни открыть огонь, погибнув один за другим от пуль снайпера. Расстреляв блокпост, снайпер бесследно исчез.

После этой трагедии блокпост был укреплен по последнему слову военной науки и доукомплектован значительным количеством солдат, так что превратился в конце концов в маленькую военную базу. Помимо бетонных блоков здесь была установлена целая система хитроумных заграждений, а внутри блокпоста были про-

ведены подземные коммуникации. Однако эта мера не помогла и нападения на блокпост продолжались. Несколько раз палестинцы в машинах, начинённых взрывчаткой, на огромной скорости пытались прорваться сквозь сложную систему заграждений и взорвать себя прямо на блокпосту. Но солдаты, наученные горьким опытом, открывали огонь на поражение ещё до того, как машина со смертником успевала приблизиться к блокпосту. Лишь однажды ночью палестинцы бесшумно подобрались к наблюдательному пункту, устроенному на том самом холме, откуда стрелял снайпер, и зарубили топорами троих солдат, спавших в палатке. Был ещё случай, когда пожилая арабка пришла на блокпост пешком и всё что-то говорила, обращаясь к солдатам. Один из солдат подошёл к ней, чтобы выяснить, что ей нужно. Именно в этот момент старуха попыталась ударить солдата ножом. Солдат, не ожидавший нападения со стороны пожилой женщины, успел среагировать лишь в последний момент, и это спасло ему жизнь. Что же касается пулемётных и миномётных обстрелов, то они давно уже стали здесь обыденностью. Обстрелы начинались ежедневно с наступлением сумерек. Стреляли из близлежащих арабских деревень – из автоматов, пулемётов, из самодельных миномётов и гранатомётов. Мы отвечали плотным огнём не только по предполагаемому источнику стрельбы, но и по окрестным деревням – так, на всякий случай, для профилактики. Стрельба стихала лишь к утру, и тогда мы обнаруживали на дороге мины, иногда одну, а иногда несколько, метрах в пятидесяти-ста друг от друга.

Мины появлялись как грибы, несмотря на наше патрулирование и постоянное наблюдение. Таким был этот блокпост, возникший здесь в самый разгар второй интифады.

В те дни повестки получили многие, в том числе и я. Так я оказался на этом злополучном блокпосту. Нашей задачей было обеспечить безопасность небольших еврейских поселений, которые были разбросаны на больших расстояниях друг от друга и удалены от основных поселенческих блоков. Такова была официальная цель нашего пребывания на этом блокпосту. На самом же деле блокпосты, подобные нашему, были предназначены не

столько охранять, сколько оказывать давление на местное население. Дело в том, что на каждый новый взрыв, обстрел или нападение палестинцев наше командование отвечало ужесточением и без того суровых мер в отношении местных жителей. Такова была наша политика. А с помощью системы блокпостов можно было легко превратить жизнь местного населения в сущий ад. В любой момент мы могли наглухо перекрыть все ходы и выходы на всей подконтрольной нам территории, превратив все эти арабские города и деревни в настоящее гетто. Из-за наших блокпостов поездка к родственникам, например, стала для местных арабов крайне непростым и рискованным предприятием. На дорогу в Иерусалим, вместо прежних двадцати-тридцати минут, они тратили теперь по несколько часов, а иногда и целый день.

Но главное было не в этом. Продолав нелёгкий путь, палестинцы часто застревали на КПП, где их часами держали под открытым небом, подвергая унижительным проверкам и не всегда пропуская. Пропуск в ту или иную часть Западного берега являлся одновременно и поощрением, и наказанием для местных жителей, которые целиком зависели от нас. Особенно страдали больные, роженицы и старики, жизнь которых часто теперь зависела от доброй воли командиров блокпостов. Тщательному досмотру подвергались не только частные машины, но также кареты скорой помощи, поскольку «в них могли находиться террористы». Проблему безопасности блокпосты не решили, но зато ещё больше озлобили местное население против нас. За чужую жестокость и глупость всегда должен кто-то заплатить. Платят, как правило, самые беззащитные. В данном случае это были местные жители – арабы. Они платили нам ненавистью, становясь благодатной почвой для идущих убивать нас. В свою очередь арабы вымещали накопившуюся ненависть тоже на самых беззащитных в наших городах – на тех, кто не мог себе позволить собственную машину и ездили на автобусах, которые взрывались чуть ли не каждый день. Это был замкнутый круг: мы душили их города блоками и бомбили их дома, а они в ответ взрывали себя в самых людных местах или в автобусах наших городов. А политики всё это

время твердили о своём стремлении к миру... Страшное было время. Служба на блокпосту мало чем отличалась от других похожих мест. Днём было тихо, а с наступлением сумерек начинался обстрел. Сначала были слышны отдельные выстрелы, потом автоматные очереди, затем, будто в оркестре, вступал пулемёт. Чуть позже начинали рваться гранаты и самодельные мины. Мы отвечали прицельным огнём из автоматов и гранатомётов по машинам, огням домов и мечетей. Впрочем, огня было мало – с наступлением сумерек их города погружались во мрак, и мы вели огонь почти наугад, при этом не жалея патронов. Так продолжалось довольно долго, пока не произошёл случай, после которого и обстрелы, и нападения на блокпост полностью прекратились.

Однажды к нашему блокпосту подъехала машина с зелёными номерами, с которыми ездят только палестинцы. Солдаты уже было приготовились открыть предупредительный огонь, но увиденное нами зрелище совершенно сбило нас с толку. Расстояние, отделявшее машину от блокпоста, было довольно внушительным и не позволяло пассажирам машины причинить серьёзный ущерб блокпосту, если бы они вдруг вознамерились взорваться или открыть прицельный огонь, и вместе с тем позволяло разглядеть не только машину, но и её пассажиров. Стёкла машины были разбиты, и весь капот в дырах от пуль. В машине можно было разглядеть, кроме водителя, ещё двоих пассажиров – юношу лет шестнадцати и женщину на заднем сиденье. У юноши на переднем сиденье вся левая сторона была чёрной от крови. Он что-то прижимал к плечу и корчился от боли. Женщины на заднем сиденье почти не было видно, она, видимо, полулежала, но даже на таком расстоянии были слышны её душераздирающие крики. Она кричала почти без перерыва. Водитель осторожно открыл дверь и, подняв руки, вылез из машины. Стоя с поднятыми руками, он что-то кричал нам, и в голосе его чувствовалось отчаяние. Даже не понимая языка, нетрудно было догадаться, что он умолял о помощи. Кричал он громко, но его крик не перекрывал отчаянных воплей женщины. Ещё толком не осознав, что происходит, я рванулся к машине; следом за мной, как по команде, побежали врач

и фельдшер.

– Стойте, это ловушка! – попытался остановить нас лейтенант Гай Мельник.

Но мы уже были около машины. Тут только я разглядел водителя. На вид ему было лет сорок. Высокий, худой, рубашка чёрная от пота. На лице выражение отчаяния. Мы поняли, что пассажирами машины были его старший сын и беременная жена.

– Помогите, пожалуйста! – умолял он. – Жена рождает, у неё схватки. А сын... Сын ранен... Тфаддал... Тфаддал²! Ближайшая больница в Иерусалиме, а дорога перекрыта, – без остановки говорил этот несчастный араб, захлёбываясь от волнения. – Все дороги перекрыты. Тогда я поехал в еврейское поселение, хотел попросить у них помощи, а они начали стрелять... – тут он осёкся, еле сдерживая рыдания. – Умоляю вас! Помогите! – снова взмолился он, но увидев, что врач и фельдшер уже засуетились возле его сына и жены, вдруг как будто даже просветлел, и в его глазах блеснула надежда. Открывшаяся нам картина была ужасной. Весь пол внутри машины был залит кровью. Подросток сидел, всё так же скорчившись, его бил сильный озноб, а на заднем сиденье полулежала женщина. Её одежда тоже была в крови, а по лицу катились слёзы. Она была бледная, её крики перешли в стоны, и, кажется, даже стонала она из последних сил.

– Вызывай вертолёт! – отдал мне приказ врач. В такие минуты он всегда брал руководство на себя. Удивительный человек этот доктор Евгений! Врачом он прошел первую ливанскую и, хотя по возрасту уже не подлежал призыву, каждый раз шёл на сборы уже добровольно. В каких только переделках он ни побывал! И ни разу не ошибся. Но больше всего уважения внушало мне в нём его верность клятве Гиппократ. Ни больных, ни раненых он никогда не делил на своих и чужих, хотя в частной беседе мог высказать немало всего и в адрес арабов, и в адрес русских... Доставалось от него и самим евреям. Но чтобы он ни говорил, прежде всего он был Человек и Врач.

– Вызывай вертолёт! – приказал мне доктор. – Обоим нужна срочная госпитализация. Их можно спасти!

Он не стал ждать прибытия команды спасателей и принялся за дело. Ему удалось остановить кровотечение у женщины, и, когда прибыл вертолёт со спасательной командой, ей и ребёнку уже не угрожала опасность. Гораздо большие опасения доктору внушало здоровье юноши – он потерял много крови, ему нужно было срочное переливание. Слава Богу, группа крови у него не была редкой и сразу несколько солдат согласились быть донорами. Так получилось, что кровь врагов спасла ему жизнь. Роженицу и раненого юношу доставили на вертолёте в иерусалимскую больницу Шива. Вскоре она родила здорового ребёнка. Юноша тоже пошёл на поправку. Счастливый отец бросался нам на шею и плакал как ребёнок, благодаря за спасение жены и детей, не опасаясь, что его обвинят в коллаборационизме с оккупантами. Телевизионщики сняли репортаж о спасённой семье. Прославились и мы, причём сразу на весь мир. Капитан Омри Шварцман и доктор Евгений Горовиц стали символом гуманности израильской армии. Правда, ни в телерепортажах, ни в газетах не было ни слова о солдатах, которые не пропустили машину с роженицей, ни о поселенцах, которые едва не убили всех троих. Следующие несколько дней прошли тихо. А спустя ещё один день на блокпост пришёл пожилой араб с огромными сумками, полными разной снеди. На вопрос, что ему нужно, старик сказал, что хочет поговорить с «командиром». Солдаты стали его обыскивать, но старик лишь усмехнулся.

– Я пришёл с миром, – сказал он.

Я вышел к старику.

– Это вам, – сказал старик, показывая на сумки. – И вас здесь никто больше не тронет, – сказал так, будто вся эта земля принадлежала ему. Сказав это, старик не спеша повернулся и величественной походкой удалился прочь. Едва он ушёл, будто из-под земли вдруг вынырнули люди спецслужб и стали тщательно исследовать содержимое сумок. Но ничего подозрительного не нашли. А на блокпосту с тех пор действительно не прозвучало больше ни одного выстрела. Лишь где-то там, совсем недалеко от нас, всю ночь гремели выстрелы, и небо светлело от трассирующих пуль.

Детский сад

Самый старший сын Рувена погиб в Ливане, второй сын – в теракте. Сам Рувен был многодетным отцом-одиначкой. Кроме двух старших, у него было ещё четверо детей, которых он воспитывал один после скоропостижной смерти жены. Второй сын Рувена, Арье, в момент гибели учился в особой полувоенной ешиве³ для детей поселенцев. Телевидение и газеты в те дни подробно рассказывали о том, как «двое террористов ворвались в ешиву прямо среди бела дня и открыли огонь по ученикам», и о том, что «девять человек, включая рава⁴, погибли на месте». Среди этих погибших был и сын Рувена. Жертв могло быть гораздо больше, но подоспевшая охрана ответным огнём уничтожила обоих нападавших. Организация «Народный фронт освобождения» взяла на себя ответственность за теракт и заявила, что расстрел в ешиве явился актом возмездия за гибель членов семьи Абу Бадр во время карательной акции израильской армии в деревне Умм аль Зайт, когда снаряд израильского танка угодил в один из домов деревни. Все члены семьи, находившиеся в это время в доме, погибли. Местные и иностранные телеканалы потом не раз показывали залитые кровью стены разрушенного дома. Добровольцы и специальная команда из местных потом долго отскребала со стен останки погибших. В телеобращении, переданном организацией, тоже были показаны эти кадры. На том же диске оба террориста, оказавшиеся родными братьями двадцати и двадцати одного года, заявляли о своем решении «совершить акт возмездия за убийство членов семьи Абу Бадр». Это событие потрясло всю страну, и министр внутренней безопасности поклялся перед телекамерами, что «все виновные в организации и осуществлении этой бойни получают по заслугам». Своё слово министр сдержал. Спустя несколько месяцев ракеты, выпущенные с израильских боевых вертолётов, стали уничтожать дома всех, кого израильские спецслужбы считали причастными к расстрелу в ешиве. В этих обстрелах гибли вместе

3 религиозное учебное заведение

4 раввин

со своими мужьями беременные женщины, старики и дети – все, кто в момент атаки находился в доме. По ту сторону Иордана клялись отомстить. А по эту торжествовали при каждом известии об очередном обстреле и гибели всех подозреваемых в терроре. Торжествовали и в небольшом еврейском поселении близ Хеврона, где жил Рувен. Каждое сообщение об очередной бомбардировке палестинских городов здесь воспринимали с нескрываемым злорадством. Наконец-то возмездие свершилось! О погибших во время осуществления акта возмездия детях никто не упоминал. Все только радовались и со злорадством говорили: «В следующий раз им будет неповадно нападать на евреев!» Поселенцы и сами не сидели сложа руки. Они жгли принадлежавшие арабам оливковые рощи, жестоко били крестьян, работавших на своих участках во время рейдов поселенцев, захватывали земли палестинцев и устанавливали на них свои караваны, объявляя эти земли своими. Армия и полиция на «шалости» поселенцев смотрели сквозь пальцы. Полиция, хоть и открывала расследования по факту нападений на палестинских крестьян, виновных никогда не находила. Установленные же на землях палестинцев караваны, количество которых стремительно разрасталось, армия не трогала и даже присматривала за ними. В отношении же построек, возведённых палестинцами на спорных землях, военная администрация действовала чрезвычайно жестко, немедленно снося «незаконные постройки». Создание новых форпостов на землях палестинцев в знак протеста против «арабского террора» было делом вполне обыденным для поселенцев. И поэтому, когда Рувен, оплакавший сына и исчезнувший на какое-то время в Иерусалиме, вернулся и вдруг стал восстанавливать полуразрушенный дом на одном из холмов, прилегающих к поселению и служивших еврейским форпостом на этих землях, никто из поселенцев и не удивился бы, если бы не одна странность: на холме он появился не один, а с арабами и евреями – явно не поселенцами, которые дружно стали восстанавливать строение из привезённых с собой стройматериалов. Место, которое Рувен выбрал, было знаменито тем, что здесь неоднократно происходили ожесточенные бои между изра-